

О. В. Слэзкина

Проблемы деятельности миссионеров синодальной внутренней миссии (по материалам журнала «Миссионерское обозрение» за 1896–1916 гг.)¹

Статья посвящена краткому обзору проблем внутренней миссии в России по материалам журнала «Миссионерское обозрение» за 1896–1916 гг. Журнал являлся официальным изданием синодальной внутренней миссии, учрежденной в первой половине XIX в. для борьбы с расколом и сектантством. Главной формой этой миссии с 1860-х гг. стали особые собеседования, к которым «объекты миссии» нередко привлекались при помощи полицейской силы. После выхода в свет в 1905 г. Указа о веротерпимости произошла частичная переориентация внутренней миссии на просвещение номинальных православных. Анализ проблем и ошибок внутренней миссии XIX — начала XX в. может помочь в ведении более плодотворной миссии в настоящее время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миссионерское обозрение, миссионер, внутренняя миссия, противосектантский журнал, полемико-апологетический журнал, журнал внутренней миссии, Скворцов Василий Михайлович.

Для осуществления миссионерской деятельности Русской православной церкви в конце 1995 г. были созданы Православный миссионерский фонд и Миссионерский отдел при Священном Синоде. С января 1996 г. возобновлено издание журнала «Миссионерское обозрение». Создана Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской православной церкви [*Православная миссия сегодня, 11–16*], а в 2007 г. — сама Концепция миссионерской деятельности². В Белгороде открыта миссионерская семинария

1. Источники цитируются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. — Прим. ред.

2. См.: Принята Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви / Патриархия.ru. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/220902.html> (дата обращения 01.05.2012).

для подготовки миссионерских кадров. Вновь организуются съезды епархиальных миссионерских структур, причем подчеркивается их преемственность с дореволюционными Всероссийскими миссионерскими съездами.

Таким образом, наблюдается стремление к актуализации опыта дореволюционной синодальной миссии. Епископ Белгородский и Старооскольский Иоанн в мае 1995 г. в докладе «Миссия Русской Православной Церкви в современных условиях» говорил о необходимости создания всецерковной миссионерской структуры, «которая позволила бы при каждой епархии иметь миссионера, как это было до революции» [Иоанн (Попов). Миссия, 22]. Но до революции у института епархиальных миссионерских структур было немало противников.

Епархиальные миссионеры были сотрудниками так называемой «синодальной внутренней миссии». Особенности и проблемы деятельности этой миссионерской структуры мы представим, проанализировав материалы дореволюционного журнала «Миссионерское обозрение».

Журнал «Миссионерское обозрение», выходящий в свет с 1896 по 1916 год, являлся основным органом синодальной внутренней миссии. XIX век — время организованной миссионерской деятельности Русской православной церкви. В то время оформилось два рода миссии — внешняя и внутренняя. Внешняя — для язычников и нехристиан, внутренняя — для бывших православных, тех, кто ушел в раскол и сектантство, а также для просвещения самих православных.

В основе миссионерства лежит вдохновенная передача своей веры, бескорыстное служение людям, стремление к просвещению их Светом Христовым. На почве внешней миссии в XIX в. совершился прорыв к апостольскому пониманию миссии, к евангельским основам этого служения. Примеры такого служения являются наши прославленные миссионеры — свт. Иннокентий Московский (Вениаминов), свт. Николай Японский (Касаткин), прп. Макарий (Глухарев). Но все это деятели внешней миссии. А давала ли подобные примеры внутренняя миссия, могла ли она их дать, выполняя те задачи, которые перед ней были поставлены? Для ответа на этот вопрос была использована большая источниковая база — почти 300 номеров журнала «Миссионерское обозрение» за 1896–1916 гг. (в качестве главного источника), материалы Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг., отдельные статьи и монографии по теме.

История внутренней миссии до 1905 года

НАЧАЛО ВНУТРЕННЕЙ МИССИИ: НИКОЛАЕВСКИЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С РАСКОЛОМ

История внутренней миссии наглядно иллюстрирует отношение государства к церкви как к «ведомству православного исповедания», обязанному выполнять административные указания. Для удовлетворения религиозных потребностей законным считалось лишь одно ведомство, поиск народом иных путей расценивался как неподчинение государственной власти, и потому всех «отпавших» надо было непременно возвращать в законные границы.

Внутренняя миссия как особый епархиальный институт борьбы с расколом возникла в 1828 г. [*Устройство внутренней миссии, 1070*]. Тогда император Николай Павлович повелел Синоду учредить противораскольничью миссию в Пермской губернии, он же указал состав миссии и способы ведения миссионерского дела. К николаевским мерам пресечения сектантства и раскола относился запрет строить молитвенные дома, ссылка «совратителей»; непокорных отдавали в солдаты. Собственно миссионерская деятельность развивалась крайне медленно.

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ МИССИОНЕРЫ — БОРЦЫ С РАСКОЛОМ И СЕКТАНТСТВОМ

Спустя семь лет после императорского повеления, в 1835 г., указом Священного Синода в Саратовской епархии были учреждены две должности епархиального миссионера.

Но эти миссионеры, не зная раскола и сектантства, не могли вести бесед с отступниками от Православной Церкви, епархиальное начальство выбирало на эти должности не по знанию дела миссии, а по заслугам и преклонности лет данного лица в епархии [*Справка, 341*].

Только более чем через двадцать лет после учреждения первой противораскольничьей миссии, по инициативе императора, в 1851 г. Синод начал обсуждать вопрос о подготовке особых миссионеров для вразумления раскольников. В 1853 г. Николай I утвердил мнения и постановления Синода о повсеместном устройстве и управлении миссий в России. В том же году при духовных академиях и семинариях стали открываться миссионерские отделения,

на которых обучали истории и обличению раскола, церковной археологии, пастырско-миссионерской практике и истории противораскольнической литературы. Во главе миссионерского дела был поставлен Центральный комитет, состоявший из членов Синода и высших сановников. В губернских городах были созданы подведомственные Центральному комитету совещательные по миссионерским делам комитеты, состоявшие из епархиальных архиереев, губернаторов и других начальствующих лиц. Постановления и решения Центрального комитета подавали к докладу и утверждению их государем. Но эти комитеты «занимались скорее полицейско-фискальной частью, чем в собственном смысле миссионерскою борьбою» [*Устройство внутренней миссии, 1071*]. Впрочем, вскоре Центральный комитет был упразднен.

В 1859 г. митр. Филарет (Дроздов) отмечал, что идея миссионерства еще мало развита в российской церкви, и рекомендовал заняться централизацией и пропагандой миссионерской деятельности. Он прекрасно понимал необходимость миссии, оказывал поддержку и помощь миссионерам, служащим языческим народам: Макарию (Глухареву), Иннокентию (Вениаминову). И в то же время указывал, что «в наше время между теми, которые называются верными, немало таких, которые нуждаются в учении оглашенных и, к большому прискорбию, это встречается между людьми, которые более других имеют притязание на просвещение» [*Филарет (Дроздов), 45*]. Иными словами, митрополит утверждал, что и для православных нужны своего рода миссионеры.

БРАТСТВА И СОБЕСЕДОВАНИЯ — СРЕДСТВА БОРЬБЫ С РАСКОЛОМ И СЕКТАНТСТВОМ

К церковным средствам миссии не может относиться «полицейско-фискальная часть», поэтому были предложены более приемлемые средства, а именно — учреждение для борьбы с расколом епархиальных братств, а также организация систематических бесед с отпавшими от православной церкви. Инициатором появления этих форм миссии был Киевский митр. Иоанникий (Руднев). Первое Братство Святого креста он учредил в 1864 г., будучи еще Саратовским преосвященным. Митрополит долго добивался согласия гражданского начальства на проведение публичных бесед с раскольниками. Вскоре это согласие было получено. Затем Иоанникий учредил и братства, и беседы в Нижнем Новгороде и в Москве. Во время его пребывания на Московской кафедре

состоялись два Всероссийских миссионерских съезда, в 1887 и 1891 годах³. Затем Иоанникий был назначен на Киевскую кафедру в первую очередь с целью налаживания миссионерской деятельности среди штундистов.

Но вернемся ко времени появления первого братства для борьбы с расколом. Вскоре после этого в 1865 г. начало создаваться Миссионерское общество, члены которого считали, что миссия «состоит в распространении православного христианства между язычниками, а также между другими нехристианами... охранение целостности православия и заботы о том, чтобы православные не впадали в раскол или ересь вовсе до Миссионерского общества не относится» [*Записки миссионерского общества*, 87]. На общих собраниях Общества звучали и другие мнения о том, что «дело не полно, когда первое в России Миссионерское общество почти только занято обращением нехристиан в православие. Нам нужна сначала внутренняя миссия, — говорил священник Михайловский, — нужно уврачевание сердцевины, тогда язвы на окраинах русского... государства легко уврачевать» [*Записки миссионерского общества*, 86].

Цели и задачи миссии постоянно уточнялись. Например, в записке прот. Кудрявцева, прочитанной на открытии Херсонского епархиального комитета Православного миссионерского общества в сентябре 1885 г., говорится:

Свою миссию православная русская церковь сосредотачивает, с одной стороны, на тех, которые совершенно не слыхали слова евангельского, или на язычников, а с другой стороны, на тех, которые некогда были чадами ея, но вследствие слепоты своей, отреклись от нея, или на раскольниках. Первую принимают на себя, помимо высшей церковной власти, под руководством сей последней, различные епархиальные братства... А вторую — общество восстановления христианства на Кавказе и Православное Миссионерское общество [*Кудрявцев, 1*].

«ПРАВИЛА ОБ УСТРОЙСТВЕ МИССИЙ...» — ОСНОВНОЙ ДОКУМЕНТ ВНУТРЕННЕЙ МИССИИ

По результатам работы состоявшегося в 1887 г. в Москве Всероссийского съезда противораскольнических миссионеров опреде-

3. Всего до революции состоялось пять Всероссийских миссионерских съездов: в 1887, 1891, 1897, 1908 и в 1917 годах.

лением Священного Синода от 25 июля 1888 г. за № 1116 были приняты «Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей церкви по отношению к раскольникам и сектантам» [*Правила об устройстве миссий, 175–182*]. Они были опубликованы в «Церковных ведомостях», и в течение последующих двадцати лет миссионеры действовали по ним.

Что же предписывалось этими «Правилами»? В епархиях, где имелись раскольники или сектанты, для их вразумления и обличения учреждались одна или несколько должностей епархиальных миссионеров. На них назначались священнослужители, которые освобождались от обязанностей приходского священника и других служебных занятий и находились в непосредственном распоряжении местных архиереев. При необходимости назначались еще уездные или окружные миссионеры из приходских священников или мирян. Миссионерам вменялись в обязанность собеседования с отпавшими. Подчеркивалось, что при этом каждый приходской священник должен заниматься миссионерской деятельностью (о ее содержании мы скажем чуть ниже). Для снабжения миссионеров книгами в епархии основывалась миссионерская библиотека. Правила отдельным пунктом оговаривали, что миссионеры и приходские священники должны оказывать друг другу любовь и взаимопомощь. Еще один пункт обязывал миссионера уважать настоятеля, договариваться с ним о месте и времени бесед. А во время собеседований «миссионер должен соблюдать душевное спокойствие, кроткое обращение и терпение. К содействию полицейской власти прибегать в крайних случаях» [*Правила об устройстве миссий, 179*]. Далее подчеркивалось, что для приглашения старообрядцев и сектантов на беседы можно использовать различные способы.

Согласно Правилам, организация миссии может быть представлена так: архиерей — миссионер — раскольники и сектанты. Но эта схема сильно отличается от того, что было в жизни. Между архиереями и миссионерами стояли консистории и братства, между миссионерами и раскольниками часто появлялся кто-то еще, содействовавший или препятствовавший их встрече.

В Правилах ничего не говорилось о так называемых миссионерских братствах, которые стали учреждаться с 1864 года. Кроме них в некоторых местах появлялись миссионерские союзы мирян для борьбы с расколом и сектами. Также ничего не упоминалось о миссионерских съездах, которые служили институтом, объединяющим и координирующим миссионерскую деятельность.

Из 24-х пунктов «Правил об устройстве миссий» только в одном есть упоминание о православном народе.

Каждый приходской священник не освобождается от миссионерской деятельности, действуя против раскольников и сектантов пастырскими беседами и назиданиями, прибегая и к другим средствам: нравственно-поучительное и всегда участливое отношение к пастве; устройство внебогослужебных бесед и чтений для простого народа; учреждение церковно-приходских школ и школ грамотности; распространение литературы с раскрытием заблуждений и изложением учения Православной Церкви о предметах разномыслия; выбор из среды прихожан людей, способных вести собеседования; надлежит заботиться об устройстве школ для подготовки способных крестьян к миссионерской деятельности... [*Правила об устройстве миссий, 178*].

ПОЯВЛЕНИЕ СОБСТВЕННОГО ИЗДАНИЯ СИНОДАЛЬНОЙ ВНУТРЕННЕЙ МИССИИ

В 1891 г. на II Всероссийском миссионерском съезде в Москве родилась идея миссионерского издания. Председателем съезда был преосв. Иоанникий (Руднев), при поддержке которого в Киеве с 1896 г. начало выходить «Миссионерское обозрение». Журнал издавался в течение двадцати одного года и имел разные подзаголовки: вначале он был противосектантским, в период существования религиозно-философских собраний назывался полемико-апологетическим, а с 1905 г. был посвящен внутренней миссии.

В 1894 г. при обер-прокуроре Священного Синода была учреждена должность чиновника особых поручений по сектантским делам. Этот государственный служащий непременно присутствовал на епархиальных, благочиннических, уездных миссионерских съездах, принимал активное участие в организации III и IV Всероссийских миссионерских съездов (в 1897 г. в Казани и в 1908 г. в Киеве), работал в VI (миссионерском) отделе Предсоборного присутствия в 1906 году.

ВНУТРЕННЯЯ МИССИЯ ПОСЛЕ УКАЗА «ОБ УСТРАНЕНИИ СТЕСНЕНИЙ В ОБЛАСТИ РЕЛИГИИ...»

В 1905 г. был сделан поворотный шаг в церковной политике российского государства. Царский указ от 17 апреля 1905 г. «Об устранении стеснения в области религии и укреплении начал веротерпимости» поставил миссионеров перед необходимостью

пересмотра всего дела миссии. Первый пункт указа требовал «признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, какое оно для себя избрало» [Указ 17 апреля 1905, 1197].

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ «МИССИОНЕРСКОГО ОБОЗРЕНИЯ» ДО 1905 ГОДА

О чем же писал журнал с 1896 г. и до момента, когда был сделан этот «поворотный шаг»?

Первоначальной задачей журнала было раскрытие сути сектантства и раскола, подчеркивание их отрицательного отношения к «началам нашей государственности и культурным задачам России» [Скворцов. *Наше дело*, VIII]. Журнал должен был предоставить свои страницы для обмена опытом «духовной борьбы с сектантством, расколом и другими внутренними врагами церкви» [Скворцов. *Наше дело*, VIII]. Кроме этого, в нем предполагалось разрабатывать вопросы церковно-приходской жизни и взаимоотношений церкви с различными слоями общества.

Внутренняя миссия по государственному замыслу была борьбой против «отступников». Эта борьба требовала оправдания, основанного на церковном учении. Высшее управление миссией лежало на Синоде, подотчетном обер-прокурору. Обер-прокурор имел в своем распоряжении, как мы указывали выше, чиновника по миссионерским делам, который и стал редактором общероссийского миссионерского издания. Этим человеком был Василий Михайлович Скворцов, сын священника, выпускник Киевской духовной академии. До чиновничьей службы и редакторской работы он преподавал в семинарии, затем в течение трех лет занимал должность епархиального миссионера. После этого более двадцати лет ревностно служил делу организации, популяризации и защиты синодальной внутренней миссии. В. М. Скворцова называли «светским генералом», который создал «целую школу миссионеров — светских фрачников. В епархиях, в кругах церковных их боялись, но не любили и им не доверяли; светское же общество относилось к ним явно отрицательно. Эти миссионеры любили в своей деятельности опираться на гражданскую власть

для защиты и поддержки православия, что, конечно, совсем не способствовало укреплению их нравственного авторитета» [*Евлогий (Георгиевский)*, 187].

В январском номере журнала за 1896 год главный редактор так писал о роли издания в борьбе с сектантством:

По тесной связи церкви с государством сектантство нарушает и правильное развитие жизни государственной... православие и самодержавие — общественная и бытовая жизнь русского народа и его религиозные верования — все это так тесно, так органически связано между собой, что все вопросы веры и церкви в то же время у нас и вопросы государственные. <...> История и современные наблюдения доказывают, что формы религиозного шатания и вольномыслия так часто скрывают в себе, а иногда только прикрывают собою вольномыслие социальное, а религиозные верования и исповедания так близко соприкасаются в наше время с политическими симпатиями, что закрывать глаза на явления религиозного сектантства и церковной анархии в народе или обществе нет никакой возможности с точки зрения политической [*Скворцов. Наше дело, VII–VIII*].

На страницах издания сектантство и раскол называются общественным злом, с которым ведут борьбу церковь и правительство.

Редактор сетовал на то, что соображение о необходимости государственной борьбы с сектантством разделяют далеко не все представители правительственных сфер в России. Этот чиновник был послушным исполнителем воли государственной власти и, конечно, не хотел смириться с наличием разных мнений, тем более в правительственных сферах.

О задачах издания говорилось с позиций «официальной народности»:

Культурные и исторические задачи России, как государства самобытного и своеобразного, всецело зависят от незыблемости культурных исторических основ ее, т. е. православия, самодержавия и народности. Все то, что колеблет эти основы, естественно, ослабляет самобытную мощь и мешает культурному развитию дорогого отечества. Стало быть, отношение истинно русского общества, как культурного слоя, к сектантству может быть только чисто отрицательным. К сожалению, общество наше... склоняется более на сторону идеалов западноевропейской цивилизации, до противоположности чуждой идеалам истинно русских людей. Поэтому немало так называемой интеллигенции, отрицательно настроенной против коренных основ России, в лучшем случае остается совершенно равнодушной к задачам и делу внутренней

миссии и пассивным сторонником свободы сектантства, а в худшем — сильным поборником и усердным распространителем в народе антицерковных лжеучений и сектантства [Скворцов. *Наше дело*, VIII].

Вряд ли такая позиция главного редактора способствовала появлению на страницах журнала свободной мысли. Характеризуя «Миссионерское обозрение», прот. Георгий Флоровский писал, что в нем «выдвигались всего больше нравственные темы. И все сильнее чувствовалось желание на всякий вопрос давать готовый ответ, внушать впечатление совершенной законченности православного мировоззрения, устранять всякую возможность “недоуменных вопросов”. “От настоящей серьезной борьбы за Православие мы избавлены государственной стеной”, справедливо говорил Владимир Соловьев» [Флоровский, 418].

К этому можно добавить, что после такого редакторского вступления, в котором делается акцент на борьбе против кого-то, вряд ли можно ожидать, что и остальные статьи пронизаны евангельским духом.

Журнал писал о современном расколе, об истории раскола, о вероучениях сектантов и православной церкви, о взаимных отношениях раскольников и сектантов с православными, о разъединении между интеллигенцией с одной стороны, и народом и церковью с другой, о миссионерских съездах; анализировал причины малой плодотворности миссии.

Разделы «Миссионерского обозрения» включали:

- материалы о постановлениях и распоряжениях власти, касающихся внутренней миссии и сектантства;
- руководственные статьи по вопросам миссионерства;
- статьи по расколу и сектоведению;
- миссионерские запросы и ответы;
- выдержки из миссионерских дневников и записок;
- хронику;
- летопись печати по вопросам миссии и др.

В журнале размещались статьи о мерах и способах «действия» миссии в борьбе с расколосектантством, о значении успехов миссии церкви для упрочения государственного единства России. Встречались сюжеты из области полицейского содействия делу миссии, оценка миссии прессой и др.

Рассмотренная нами краткая история создания внутренней миссии, органом которой являлось «Миссионерское обозрение», помогает понять, почему содержание многих статей

разочаровывает. Однако встречаются и публикации, которые свидетельствуют, что редактор не был до конца противником живого церковного слова: «О молитве как душе и силе миссии», «Церковное и внецерковное учительное слово как главная основа успеха нашей миссии», «Предстоящая церковная реформа», «К возрождению Церкви» и др.

В упомянутой выше вступительной статье редактор разъяснял значение мало знакомого большинству населения слова «миссионер», которого он называет «сотрудником, споспешником и со-работником пастырству в деле его служения словом учения». Он охарактеризовал миссию как внутреннюю или внешнюю в зависимости от того, «куда, по преимуществу, направляется церковью деятельность сотрудников слова и учительства — ко внутреннему ли устроению членов церкви для духовного ея возрастания или же ко внешнему расширению пределов ея в мире языческом» [Скворцов. *Наше дело*, IV]. Редактор утверждал, что дело миссии в целом и решение о том, какого рода миссия, внутренняя или внешняя, нужна в данное время в данном месте, находится в полной зависимости от «правлящей церкви». А основанием для такого суждения он считал слова Христа: «Идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева»^{*1}, и называл их «первой заповедью Христа о миссионерском служении» [Скворцов. *Наше дело*, IV]. «В нашей отечественной церкви погибшие овцы — легионы тех единокровных братьев наших, которые от нас изыдоша»^{*2}. Прежде всего, наши раскольники — старообрядцы... А затем и наше... сектантство» [Скворцов. *Наше дело*, V].

Православные люди тоже как будто не были забыты. В своих постановлениях и распоряжениях власть помнила и о еще не погибших овцах дома Израилева. В февральском номере «Миссионерского обозрения» за 1897 год говорится о том, что «самую важную задачу современной внутренней миссии служит утверждение населения в основных истинах своей отеческой веры и это является предметом особых забот высшей центральной церковной власти и епархиальных начальств» [Скворцов. *О постановлениях*, II8].

ЗАБОТЫ МИССИОНЕРОВ ВНУТРЕННЕЙ МИССИИ

На вопрос о том, как решать указанную «самую важную задачу современной внутренней миссии», ответил свящ. Иосиф Фудель в статье «О ближайших задачах приходской миссии».

*1 Мф 10:6

*2 1 Ин 2:19

Начал он с различения миссионерской почвы: есть «специально-миссионерская — это почва воздействия на заблудших и обращения их, и почва миссионерская в широком смысле этого слова — в области приходской деятельности, приходской жизни» [Фудель, 3]. Для того чтобы население было утверждено в «основных истинах своей отеческой веры», на приходе, по мнению о. Иосифа, нужна школа.

И проповедь, и внебогослужебные собеседования — средства прекрасные, но в настоящее время этого уже слишком мало. Они хорошо действуют только на подготовленную почву. В настоящее время... надо главным образом воспитывать подрастающее поколение. Необходимо закалить это поколение в добрых благочестивых навыках, чтобы никакие искушения потом ему не были страшны. Необходимо создать новое поколение народа с той же чистой верою, какую хранил он много веков, но с просвещенным разумом, с ясным сознанием истин хранимой веры, с православным мировоззрением, утвержденным на этом основании до непоколебимости [Фудель, 10–11].

Что касается работников специальной миссии, то их искусственно созданная деятельность почти всегда и везде была совершенно неуместна. В июне 1897 г. «Миссионерское обозрение» опубликовало ряд статей к предстоящему III Всероссийскому миссионерскому съезду в Казани. В частности, в статье «Миссионерский плач о нынешнем своем бесправном служебном положении» говорилось:

Деятельность миссионеров по пресечению развития сектантства и утверждению в народе православия давно признана сколько многотрудною, столько же и важною для церкви и для коренных интересов самого государства. Тем не менее доселе службе миссионеров не присвоено решительно никаких прав ни на чиновничество, ни на получение наград, пенсий, ни льготы по отбытию воинской повинности [Миссионерский плач, 474].

Миссионерам в епархии часто приходилось сталкиваться с отношением к себе как к лишним людям, занятыми таким церковным делом, которое многими причислялось к пустым затеям.

Далее в статье говорится о том, что приходские священники не помогают миссионерам, в храмах не бывает ни проповеди, ни чтений, ни бесед. Гражданская власть почти не сочувствует делу просвещения раскольников и сектантов и часто находится на их стороне. Нередко случается, что сельские старшины

отказываются объявлять о приезде миссионера или даже противодействуют устройству бесед [*Миссионерский плач*, 477].

Реальная организация миссии отличалась от предписываемой Правилами 1888 года. Очень редко миссионер непосредственно подчинялся архиерею. Часто он был «безответным и бесправным» исполнителем указаний братства, которое, по свидетельству автора, только тормозило дело миссии. Членами братства были солидные люди — кафедральные протоиереи, члены консистории, чиновники, помещики. Совет братства состоял из 15–20 человек, и все они были начальниками над одним миссионером, который, отстаивая интересы миссии, мог нажить себе врагов. В связи с этим автор статьи выражал пожелание, чтобы миссионер непременно сам был членом братства [*Миссионерский плач*, 478].

Представляет интерес также статья херсонского епархиального миссионера Михаила Кальнева «К вопросу о положении миссионеров» [*Кальнев*, 479–483]. Из нее становится ясна причина, почему миссионеры отказывались от своих должностей, — это «совершенно неопределенное служебное положение». «Правила об устройстве миссий» игнорировались консисториями, братствами и епархиальной властью. В епархиях не было должной организации и общего плана миссионерской деятельности, а «существовал печальный произвол и отсутствие всякого единства в действиях, направленных против сектантов» [*Кальнев*, 480]. Все это подрывало силы миссионеров, и они покидали свою службу.

Об условиях, в которых приходилось действовать «забытым людям», миссионерам, писал Д. И. Боголюбов:

Да, тяжела, крайне тяжела миссионерская служба. В начале никто из нас самих не предвидит размеров этой тяжести. Подобно всем юношам-мечтателям, проникнутым любовью к меньшему брату, я рисовал себе одни светлые картины из народного быта. Я думал, что общаться с деревенской средой — и легко, и в высшей степени приятно: ведь народ наш очень умен, любознателен и приветлив. Он искренне любит Христа и православную церковь. Недаром же Достоевский назвал его «богоносцем». Значит, это простое недоразумение, что добрые крестьяне наши стали часто уклоняться в сектанство. Необходимо лишь втолковать им истинное учение о Христовой Церкви, — и тогда силы ада не увлекут их в сторону от православия [*Боголюбов*. *Забытые люди*, 487].

Действительность оказалась другой. Боголюбов сокрушался о том, что в деревнях появился новый класс людей «сомневающихся», душевно похолодевших и озлобленных. Эти люди страстно

нападают на церковь, недовольны многими ее порядками, не верят и проповеди миссионеров. В сектанты они не пойдут, для того они слишком хорошо знают недостатки их учения; но и оставаясь наружно православными, они лишь губят наше общество своей нравственно-религиозной расшатанностью. Борьба с этими людьми крайне тяжела, утомительна и бесплодна» [Боголюбов. *Забывшие люди*, 487].

Тот факт, что, начиная свое служение, миссионеры часто не знали народной жизни, плохо представляли себе суть своего дела, подтверждают слова одного сельского священника:

Не умеем мы говорить с мужиками о божественных предметах на их языке. Поэтому они бегут от нас за назиданиями к сектантам... <...> Вы тоже, как будто, для народа работаете, — в народ в академиях готовите духовных просветителей. Но это, по моему понятию, окольная дорога служения мужику. Кроме того, как вы готовите народу просветителей? Вы сами не знаете народа, не понимаете его настоящих нужд и потребностей, не умеете даже по складам читать души мужицкой. Каким же родом вы приготовите ему «по сердцу» истинных просветителей? [Боголюбов. *Разговор*, 173].

Часто бывало так, что, посылая миссионеров к сектантам для увещания, миссионерские канцелярии возбуждали против этих же сектантов уголовное дело. А миссионер получал два предписания — увещать сектантов и выступать экспертом в суде по их делу. Естественно, сектанты смотрели на него как на предателя и впоследствии избегали всякого общения с ним.

Итак, синодальная внутренняя миссия, начавшая свою работу в 1828 г., была направлена против раскольников и сектантов. Первыми ее действиями были ограничения в правах, ссылки и т. п. Затем появились епархиальные миссионеры, целью которых было возвращение отпавших от православной церкви. Главным методом миссии стали принудительные собеседования с отпавшими, случаи обращения после которых были очень редки. Кроме того, для борьбы с расколом и сектантством учреждались братства. Но действия миссионеров и братств практически не были согласованы. На местах, куда направлялись миссионеры, они были чужими не только для раскольников и сектантов, но и для приходского населения, священства и епархиальных структур.

Миссионеры с трудом постигали суть подлинного миссионерского служения, кому оно нужно и в чем должно состоять. Они

взывали то к государству, то к священноначалию с просьбами о поддержке и внимании к делу миссии. Но государство, по инициативе которого появились миссионеры, об их судьбе не заботилось, официальная церковь тоже. Изменилась ли судьба и деятельность миссионеров после принятия в 1905 г. закона о веротерпимости?

История внутренней миссии с 1905 по 1918 год

СИНОДАЛЬНАЯ ВНУТРЕННЯЯ МИССИЯ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА

В дни революции 1905 г. деятельность синодальной внутренней миссии не способствовала примирению враждующих сторон. Например, одну из «кровавых катастроф» спровоцировал жаркий спор о вере со старообрядцами в одном из южных городов. После собеседования, которое вел синодальный миссионер прот. Ксенофонт Крючков, православные решили проучить старообрядческого начетчика. Для их усмирения пришлось применить вооруженную силу. В результате конфликта было убито и ранено 23 человека [*Катастрофа, 1417*].

Описанное выше положение дел на миссионерском поле и подобные примеры свидетельствуют об общественно-политическом и церковном кризисе. Миссионерская деятельность, наверное, сильнее всякой другой высветила проблемы официальной церкви, показала огромную жажду общества в истине, правде, свободе. Ситуация в стране требовала от православной церкви немедленного ответа и действия. Но церковь во многом оставалась слишком тяжелой и неповоротливой.

Протоиерей Михаил Чельцов, Санкт-Петербургский епархиальный миссионер, сотрудник «Миссионерского обозрения» в первые годы его издания, а также член знаменитой «группы 32-х», писал в 1907 г.:

...Церковь... действительно столп и утверждение истины... <...> Оставаясь, сама по себе таковой, она в нашем сознании и жизненном выражении может оказаться уже столпом поваленным, утверждением непрочным и к одолению ада склонным, даже и близким. <...> И в наши дни государственного и общественного брожения обратились рядовые христиане к церкви за разного рода разрешениями, разъяснениями и... натолкнулись на стену молчания... <...> И пошли далеко в сторону от церкви когда-то люди церковные, пошли по разным сектам и законам; иные совсем о Боге

перестали думать, оставили Его; другие сочли религию делом внешним, неважным придатком и, пока еще числясь православными, зажили без Христа и без Бога [Чельцов, 78–80].

Многие церковные люди надеялись, что с провозглашением веротерпимости и свободы совести отпадет то, что содействовало внешнему успеху миссии, но не отвечало высокому духовному характеру церковного дела.

В общей свободе совести церковь найдет и свое освобождение от многого, тяжело-покровительственно пригнетавшего ее — и не редко не ради ее блага, а во имя внешних интересов, которым заставляли ее служить. Церковь восчувствует теперь так свойственный ей нравственный простор. Отныне миссия церковная в своей духовной деятельности будет опираться только на духовную силу церкви [Димитрий (Ковальницкий), 1].

МОЖНО ЛИ НАПОЛНИТЬ СТАРЫЕ ФОРМЫ НОВЫМ СОДЕРЖАНИЕМ?

В это же время раздавалось немало голосов, ратующих за упразднение института епархиальных миссионеров. Так думали не только светские или революционно настроенные люди, но и священство.

Епархиальный миссионер-священник Савва Потехин указывал на две причины, почему многие приходские священники высказывались против дальнейшего существования специальной миссии. Одна — «начинающаяся осуществляться надежда на освобождение церковных приходов от слишком большой опеки со стороны центрального управления, а к этой опеке относят и миссионерскую помощь приходам, может резко поставить вопрос: нужны ли в приходе миссионерские собеседования приезжих миссионеров?» [Потехин, 121]. Другая причина — закон 17 апреля (о веротерпимости. — *Ред.*), «который обособляет старообрядцев и сектантов от православного населения настолько, что многим приходским священникам с этого времени представляются уже невозможными какие бы то ни было миссионерские собеседования, а самое существование миссии не имеющим смысла, и посему излишним» [Потехин, 122].

В данной статье свящ. Саввы Потехина, посвященной миссионерским собеседованиям, говорится о причинах отрицательного к ним отношения со стороны светских людей, духовенства и тех,

для кого они предназначены — раскольников и сектантов. По мнению автора, собеседования являются учеными диспутами, которые не могут убедить противника. Автор предложил обновить форму и содержание бесед.

[Раньше] миссионерские собеседования приобретали характер публичного суда над еретичеством. Неохотно шли старообрядцы и сектанты на этот суд, но шли, потому что «начальством приказано». Теперь всякая надежда на то, что совопросники будут понуждаемы идти на беседу, должна быть оставлена. Чтобы привлечь старообрядцев и сектантов на беседу, миссионер должен придать ей такой характер, чтобы она не имела ничего другого, кроме изъяснения православного христианского учения и выяснения его истины из сопоставления его со словом Божиим [Потехин, 123].

Священник-миссионер также поставил вопрос о смысле миссионерских собеседований, если они не приводят к возвращению в церковь. Ответ может только порадовать:

Смысл этот — в научении слушателей вере. Ведь первое, если не единственное, требование, которое должно предъявлять к миссии даже в апостольском ее значении, есть научение, научение прежде обращения. «Шедше научите», потом уже «крестя их»... Миссия, как научение вере, есть важная часть служения церковного [Потехин, 125].

Автор снова и снова повторяет, что вопреки темноте простого народа и антихристианскому настроению интеллигенции миссионерские собеседования должны послужить Церкви Христовой в качестве проповеди христианства.

Жизнь церковная не имеет другой лучшей и подходящей формы для сеяния слова Божия среди верующих, но не просвещенных, так и неверующих, но ищущих веры. И если в настоящее время не воспользоваться миссионерскими собеседованиями, где между вопрошающими и отвечающими происходит совершенно свободный обмен мнений по вопросам религии, то в проповеднической жизни церкви окажется ничем незаполнимая пустота [Потехин, 136].

Мы так подробно рассмотрели эту статью, потому что сочли важным сделанный в ней вывод: миссионерские собеседования — это «катехизация православного народа наряду с апологией православия. Они воссоздают в церковной жизни настоящего времени

ту катехизическую школу древних времен христианства, которая была средством просвещения не только христиан, но и светочем христианства среди еретиков и язычников. Беседа с сектантами должна послужить просвещению православных» [*Потехин, 138*].

Следует отметить, что вплоть до начала большевистских гонений миссионеры оставались как бы привязанными к сектантам, раскольникам и другим неправославным как единственному «объекту» своей миссии. Одни миссионеры смысл своего служения видели только в борьбе с ними (об этом свидетельствуют многочисленные полемические и обличительные статьи «Миссионерского обозрения»). Другие стремились к утверждению среди них христианского духа — например, так, как это предлагал свящ. Савва Потехин.

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ «МИССИОНЕРСКОГО ОБОЗРЕНИЯ» ПОСЛЕ 1905 ГОДА

С 1906 г. в журнале четко выделилось пять разделов, освещающих миссионерскую деятельность: 1) отдел статей по общим вопросам православной веры и церковной жизни; 2) миссионерский отдел; 3) по сектоведению; 4) по расколоведению; 5) летопись периодической духовной и светской печати и новые книги по вопросам миссии и церкви. (С этого же года редакция стала выпускать ежедневную газету «Колокол», для того чтобы своевременно реагировать на события современной жизни, — журнал был уже не в состоянии за ними уследить.)

Церковь нуждалась во внутренней миссии, но направленной прежде всего на тех, кто формально числился в ее ограде — православных христиан. Было ли желание, силы и опыт для такого миссионерского служения? Очевидно, что эти силы надо было находить заново. Также требовалось освобождение от государственной опеки и от собственных ошибок и бессилия.

Совершенно ясно, что приезжий миссионер не в силах был проводить ту катехизацию, о которой говорил свящ. Савва Потехин. А основой для такой деятельности должен был стать возрожденный приход. Миссионеры неустанно повторяли, что нужна правильно организованная приходская миссия и священник должен быть первым и постоянным миссионером на своем приходе⁴.

4. См., например: Нижегородский миссионерский съезд: К вопросу о современных задачах миссии // Миссионерское обозрение. 1907. № 9. С. 1318.

В 1906 г. журнал восторженно писал: «В новом 1907 году на Святой Руси совершится великое событие — церковный Всероссийский Собор» [*Вопросы миссии*, 754]. Но в 1907 г. журналу пришлось печатать только предваряющие Собор статьи.

В том же 1907 г. по инициативе В. М. Скворцова при Священном Синоде было образовано временное Особое совещание по миссионерским делам, которое впоследствии предполагалось преобразовать в Миссионерский синодальный совет (только в 1913 г. Синодом было утверждено положение о Миссионерском совете и Издательском миссионерском комитете, а фактическое открытие Совета состоялось в 1915 г.). Отсутствие при центральном церковном управлении — Священном Синоде — высшего руководящего и исполнительного миссионерского органа В. М. Скворцов считал самым главным недостатком для миссии. Особое совещание ходатайствовало о созыве IV Всероссийского миссионерского съезда и подготовило Правила об устройстве внутренней миссии — платформу для работы съезда.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ОБ УСТРОЙСТВЕ МИССИИ — ОСНОВА ДЛЯ ОБНОВЛЕННОЙ МИССИОНЕРСКОЙ РАБОТЫ?

В. М. Скворцов возлагал большие надежды на эти Правила. Он полагал, что после их принятия дело миссии сдвинется с мертвой точки: «Наконец-то в церковно-правлящих сферах возоблагодало спасительное сознание угрожающей опасности со стороны врагов православия и необходимости миссии» [*Скворцов. Миссия православной церкви в 1908, 160*]. И называл некоторые мероприятия высшей церковной власти событиями огромной важности: это «слово критики и протеста со стороны Синода по содержанию вероисповедных законов, по поводу нового государственного отношения к сектантам, как глубоко смущающим душу и совесть православно верующих России» [*Скворцов. Миссия православной церкви в 1908, 161*].

Обратимся к «Правилам об устройстве внутренней миссии Православной Российской Церкви», утвержденным определением Священного Синода от 20 мая 1908 г. за № 3443. С самого начала они очерчивают миссионерское поле.

Защита православной веры и церкви от пропаганды инославия, раскола, сектантства и неверия, а равно и обращение в лоно церкви последователей существующих лжеучений может совершаться тремя способами: самим

верующим народом, приходскими пастырями и лицами, специально посвятившими себя миссионерской деятельности [*Правила об устройстве внутренней миссии, 937*].

Далее по пунктам излагаются задачи народно-приходской (церковно-приходские попечительства, приходские советы, кружки ревнителей православия, миссионерские братства), пастырско-приходской (священник, сведущий в миссионерском деле), специальной (епархиальные и уездные миссионеры и епархиальный миссионерский совет) и внеепархиальной (всероссийские и областные миссионерские съезды) миссий. Составители Правил хотели воплотить идею так называемой органической миссии, которая должна объединять приходские возможности с силами специальной миссии и миссии на общецерковном уровне. Однако в жизни все было иначе. Народно-приходская и пастырско-приходская миссии были очень слабо организованы и осмысленны. Дело здесь часто не шло дальше призывов и благих пожеланий.

ГЛАВНОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ПОЛЕ — ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД

«Миссионерское обозрение» повторяло из номера в номер, что приходской пастырь должен быть главным миссионером. Что пастырь на это мог ответить?

Скажите, для чего я побегу за раскольников или сектантом, когда я вижу, что моя паства вся поедет в разные стороны, не смотря на то, что я бегаю вокруг нее, кричу, гоню ее в кучу, а она идет себе да идет врассыпную по разным дорожкам и тропинкам... Ну скажите, что и для чего я буду толковать с раскольниками, когда церковную ограду моя паства сама ломает. Нет, вы нам покажите, как нам свою паству собрать воедино, сплотить ее, закрепить за святою церковью? ...а то ведь нас все только гнете и топчете в грязь. Место не полемики, а строительству. Нас надо наперед сплотить, вдохнуть в нас силу убеждения и уверенность в успехе и затем указать на то, что и как каждый из нас может и должен делать для религиозно-нравственного подъема своей паствы. Вот с чего должна быть начата и на чем построена наша внутренняя миссия [*Скворцов. Соображения кн. Мещерского, 998*].

Однако были священники, которые знали, что и как делать для религиозно-нравственного подъема паствы. В 1910 г. в Москве открылось братство во имя Святителей московских Петра,

Алексия, Ионы и Филиппа⁵. Его целью было укрепление народа в православной вере и церковной жизни на началах живого общения епископа, клира и мирян. Братство поставило перед собой задачу содействия церковной власти и приходским учреждениям в том, чтобы богослужение совершалось с должным благолепием и при возможно более широком участии мирян в чтении и пении⁶. Данное братство явило собой один из примеров правильного подхода к миссионерскому служению.

В качестве другого примера приведем распоряжение духовенству еп. Палладия в Пермской епархии, направленное на просвещение паствы и предупреждение ее ухода в секты и раскол.

Епископ усердно просит приходских пастырей исполнить следующее: 1) во всех приходах катехизация должна быть введена повременно в самых широких размерах. Оглашение народа основными истинами веры и нравочения должно совершаться не только в храме, но и вне храма, по всем деревням. Каждый пастырь может легко составить программу катехизации по деревням и осуществить ее при помощи дьякона и псаломщика. Вдумчивость и искренняя любовь к истине и пастве дадут возможность исполнить этот пастырский долг в меру данного каждому дарования. Для всех членов клира откроется возможность расширить, оживить и к делу приложить свои познания. 2) Необходимо везде завести общенародное пение за беседами и частью во время богослужения. <...> 4) Воскресные школы желательны везде... В местностях, где грозит опасность от пропаганды сектантства, желательно учредить маленькие, чисто домашние миссионерские школки для окончивших начальные школы или учащихся в них [Бодянский, 638].

БЕСПЛОДНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОЙ МИССИИ

Вернемся к специальной миссии. В 1910 г. В. М. Скворцов отмечал, что «начавшаяся было организационная работа преобразования местных миссий по новым Правилам (т. е. создание епархиальных миссионерских советов. — О. С.) вдруг как-то затихла и, может быть, заглохла» [Скворцов. Миссия в 1909, 163].

Начиная с 1910 г. оценка миссионерской деятельности за истекший год в каждом первом номере журнала не отличалась разнообразием:

5. См. статью З. Дашевской в настоящем выпуске Альманаха, с. 131–150. — Прим. ред.

6. Членом Братства стал и прот. Иосиф Фудель, выдержки из статьи которого мы приводили выше (см.: Открытие новых братств // Миссионерское обозрение. 1910. № 3. С. 512).

Православная миссия прожила истекший год без больших событий и крупных изменений. Она трудилась честно и ревностно на местах, в епархиях по мере своих слабо организованных сил и незначительных средств, свято и твердо храня незыблемость истин святого православия и ведя неравную борьбу с тьмочисленными врагами нашей святой церкви, все сильнее и сильнее вступающими в борьбу с православием соединенными силами [Скворцов. Миссия в 1912, 132].

До последнего дня издания журнал продолжал ругать неправославных, интеллигенцию, сетовать на «отступившее от заветов святой Руси» правительство, выражал скорбь по поводу положения в государстве «господствующей церкви»:

Православная церковь была бы рада-радешенька, если бы ей предоставили те привилегии, какими пользуются фактические исповедания, признаваемые ересями. Позвольте нам, как католикам и армянам, иметь своего патриарха. Позвольте иметь, как раскольникам или евреям, право церковных соборов, ведь церковь наша именуется апостольской и соборной. Разрешите, как лютеранам, церковный приход. Разрешите нашим священникам свободу проповеди. Не отнимайте церковных земель и капиталов, словом, уравнийте нас с еретическими и даже языческими церквами, — и этого уже будет довольно! [Вероисповедной законопроект, 94].

ЗНАЧЕНИЕ МИССИОНЕРСКИХ СЪЕЗДОВ

Стремление к соборности в Русской церкви в поздний синодальный период отчасти осуществлялось на Всероссийских миссионерских съездах. До революции 1917 г. их прошло пять.

Согласно Правилам 1908 г., съездам предписывались определенные задачи:

- 1) Водворение полезного для дела миссии единства в действиях миссионерствующих лиц и учреждений разных епархий;
- 2) предупреждение тех миссионерских мероприятий, которые оказались на практике нецелесообразными, или бесплодными, или даже вредными для миссии;
- 3) подробное ознакомление со лжеучениями, догмы которых подвергаются быстрым и частым изменениям;
- 4) выяснение литературных нужд миссии, а также разрешение вопросов миссионерской полемики и методики;
- 5) совместное обсуждение вопросов школьной миссии;
- 6) выяснение материальных нужд миссии [Правила об устройстве внутренней миссии, 942].

Самый известный из съездов — IV — прошел в июле 1908 г. в Киеве.

Съезд должен был наметить пути возрождения православия и прошел под лозунгом обороны православия от наступающего сектантства и неверия. Был поднят вопрос о потере благочестия в народе и необходимости противодействовать распространению социализма среди учащейся молодежи, рабочих и крестьян. Синод утвердил почти все пожелания съезда, разрешив допускать светских людей к званию миссионера [Августин (Никитин), 53].

В 1995 г. канадская исследовательница Хэзер Колман в статье о деятельности антисектантской комиссии на IV съезде писала, что «миссионеры приклеивали ярлыки религиозным группировкам, чтобы облегчить борьбу с ними. Упор на определение групп и стремление их изолировать свидетельствовали о том, что миссионеры не смогли понять, что общество им не принадлежит и что им нужно активно работать, чтобы завоевать это новое общество» [Колман, 25].

Нужно было пересматривать старые формы и методы, а пока только оставалось признать, что «миссионерская работа, как института миссионеров, так и миссионерско-просветительных учреждений, в конце концов сводится к нулю: подъема церковной жизни, преуспевания в религиозно-церковном сознании, усиления религиозной веры и нравственности, тем более приближения и обращения в лоно православной Церкви расколосектантства совершенно не замечается» [Ильигорский, 2], потому что «миссионеры скорее являлись козлами отпущения за чужие грехи, орудием и средством, через которое светская и церковная власть воздействовали на именуемых старообрядцев и сектантов, — служили своего рода буксиром для духовенства, за что и выносили от последнего недоброжелательство и недоверие» [Ильигорский, 4].

КТО ДОЛЖЕН ОСУЩЕСТВЛЯТЬ МИССИЮ?

Тот же автор, подводя миссионерские итоги прошедшего 1915 г., писал:

Миссионерами должны быть не официальные лица только, а все пастыри церкви и ревностные благочестивые миряне. Православную Церковь, ее догматы и установления необходимо защищать каждому ее члену и не одним

словесным орудием, но и внутреннюю духовную силу и что, наконец, заблудшие члены Церкви встанут ближе к ней, когда увидят в ее членах лучших людей — христиан — трезвых, честных и исполнителей святых заветов Евангелия Христа [*Ильигорский*, 8].

В декабре 1916 г. вышел в свет последний номер «Миссионерского обозрения»: журнал прекратил свое существование из-за отсутствия материальных средств.

В начале 1917 г. под давлением Временного правительства Синод упразднил институт епархиальных миссионеров. В июле — августе 1917 г. миссионеры собрались на свой последний Всероссийский съезд и приняли решение о воссоздании специальной миссии.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О ВНУТРЕННЕЙ МИССИИ ПОМЕСТНОГО СОБОРА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Это решение нашло свое выражение в Определении о внутренней миссии [*Определения и Постановления Собора*, 45–51] Поместного собора Православной российской церкви. Его содержание очень схоже с текстом Правил 1908 года, хотя в нем заявлялось, что внутренняя миссия организуется на новых началах [*Деяния Собора*, 152], в соответствии с преобразованным приходским, епархиальным и высшим церковным управлением.

На Соборе также проявилось неоднозначное отношение к институту миссионеров: одни были настроены критически, другие считали, что миссионеров «нужно беречь и использовать, как инструкторов. Необходимо, чтобы миссионер стоял во главе школы, будь то школа приходская или епархиальная» [*Деяния Собора*, 160].

Заключение

Итак, в период с 1905 г. произошли изменения церковно-государственных отношений в области внутренней миссии.

Государство предоставило значительную свободу тем, на кого была направлена внутренняя миссия, и институт епархиальных миссионеров закономерно стал как бы ненужным. Но Синод от него не отказался. Миссия была реорганизована. Институт специальных миссионеров стал частью внутренней миссии, призванной защищать православную веру и церковь от пропаганды

инославия, раскола, сектантства и неверия. Для успешного решения этой задачи предполагалось привлекать приходские, епархиальные и общецерковные силы. Но эти меры запоздали: народ уже уходил из церкви.

Что касается миссионеров, то они по-прежнему оставались государственными чиновниками, требовали от государства поддержки и помощи и часто даже не задумывались о том, что миссия — сугубо церковное дело. Миссионеры превратились в крупных специалистов в области сектантства и раскола. Только вместо подлинной миссии они занимались скорее контрмиссией и в области богословского осмысления сути миссионерского служения сделали немного.

В работе синодальной внутренней миссии можно увидеть и положительные моменты. Например, как было сказано выше, она способствовала воплощению некоторых элементов церковной соборности:

...В условиях, когда Поместные Соборы не созывались более 200 лет, съезды епархиальных миссионеров были одной из форм соборной жизни церкви. Принятые ими документы и сама работа во время их проведения способствовали осмыслению соборным разумом церкви, ее места и роли в обществе, выработки методологии и практических рекомендаций в ведении миссионерского дела. Многие из участников съездов в послереволюционное время гонений вошли в сонм новомучеников и исповедников Российских, продолжая свое миссионерское служение ценой собственной жизни [*Иоанн (Попов). Съезды и перспективы, 7*].

Анализ содержания журнала «Миссионерское обозрение» позволяет составить представление о проблемах деятельности миссионеров внутренней миссии. Так,

- миссионеры выполняли государственные, а не церковные задачи;
- они часто не находили поддержки в обществе и церкви (потому что обращались к полицейским методам борьбы и занимались раскольниками и сектантами, в то время как номинальные православные оставались без просвещения);
- на деле не было должной организации и согласования в действиях между структурами и отдельными людьми, имеющими отношение к миссии.

Эти проблемы были обусловлены также недолжными церковно-государственными отношениями и болезнями внутри самой Русской церкви. Многое требовало перемен и уречения. Если

«под миссией подразумевать постоянное служение Церкви по распространению и утверждению духа христианства» [Кочетков, 7], то легко заметить, что в рассматриваемый период внутренняя миссия не всегда была таковой. Часто ее деятельность мало способствовала решению даже обличительных и охранительных задач.

В то же время необходимо отметить стремление многих миссионеров к изменению дела миссии, к созиданию его на апостольских основаниях. Они прекрасно понимали, что «бюрократический формализм, прочно укоренившийся в области управления делами православной церкви, кладет свой мертвящий отпечаток на живое дело миссии» [*Узко-формальная постановка миссии*, 424]. Не случайно поэтому миссионеры говорили о возрождении подлинно христианского братства на приходе, о необходимости учить народ вере.

После революции рухнули государственные подпорки церкви, а с ними и официальная миссия, построенная по государственному образцу. В советской России церковь смогла выжить и сохраниться лишь потому, что основывала свою жизнь на принципах, соответствовавших ее подлинной природе. А в таком устройении церковной жизни нет места контрмиссии. Впрочем, в советские годы никакая миссия практически не была возможна.

Сейчас, как и сто лет назад, остается актуальным возрождение на приходе подлинно христианского братства, просвещение православного народа и, конечно, возрождение миссии как служения Церкви по распространению и утверждению духа христианства. Остается надеяться, что Русская церковь не станет повторять ошибок прошлого и учтет опыт миссии дореволюционного периода.

Источники и литература

1. *Августин (Никитин)* = Августин (Никитин), архим. Миссионерская деятельность Русской православной Церкви во второй половине XIX — начале XX в. // Миссия и современное православное миссионерство : Международная богословская конференция к 600-летию преставления свт. Стефана Пермского (9–11 октября 1996 г.). М. : МВПХШ, 1997. С. 53.
2. *Боголюбов. Забытые люди* = Боголюбов Д. И. Забытые люди // Миссионерское обозрение. 1897. Июнь. Кн. 1. С. 483–497.
3. *Боголюбов. Разговор* = Боголюбов Д. И. Разговор у Сафоновой избы и в училище харьковского епархиального миссионера // Миссионерское обозрение. 1903. Январь. Кн. 2. С. 173–177.

4. *Бодянский* = Бодянский Н. Деятельность православной миссии // Миссионерское обозрение. 1913, № 4. С. 636–642.
5. *Вероисповедной законопроект* = Вероисповедной законопроект на обсуждении Государственного Совета // Миссионерское обозрение. 1912. № 1. С. 78–99.
6. *Вопросы миссии* = Вопросы миссии в VI отделе Предсоборного присутствия // Миссионерское обозрение. 1906. № 5. С. 751–775.
7. *Указ 17 апреля 1905 г.* = Высочайший указ 17 апреля и поворотный шаг в церковной политике Русского государства // Миссионерское обозрение. 1905. Май. С. 1197.
8. *Деяния Собора* = Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. : В 11 т. Т 8. М. : Государственный архив Российской Федерации; Новоспасский м-рь, 1999. 259 с.
9. *Димитрий (Ковальницкий)* = Димитрий (Ковальницкий), архиеп. Современные задачи внутренней миссии // Миссионерское обозрение. 1906. № 1. С. 1–5.
10. *Евлогий (Георгиевский)* = Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни : Воспоминания. М. : Московский рабочий, 1994. 621 с.
11. *Записки миссионерского общества* = Записки миссионерского общества. СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1866–1868. № 1–4.
12. *Ильигорский* = Ильигорский И., мисс.-свящ. Новогодние вопросы православной миссии // Миссионерское обозрение. 1916. № 1. С. 1–13.
13. *Иоанн (Попов). Миссия* = Иоанн (Попов), еп. Миссия в Русской Православной церкви в современных условиях // Православная община. 1995. № 30. С. 15–25.
14. *Иоанн (Попов). Съезды и перспективы* = Иоанн (Попов), архиеп. Миссионерские съезды и перспективы православной миссии в XXI веке // Миссионерское обозрение. 1999. № 12. С. 7–9.
15. *Кальнев* = Кальнев Михаил, свящ. К вопросу о положении миссионеров // Миссионерское обозрение. 1897. Июнь. Кн. 1. С. 479–483.
16. *Колман* = Колман Х. Ересь и сектантство : IV Всероссийский миссионерский съезд и проблема культурного влияния в России после 1905 года // Православная община. 1996. № 31. С. 18–27.
17. *Кочетков* = Кочетков Георгий, свящ. Крещение Руси и развитие Русской миссии // Вестник РХД. 1989. № 156. С. 5–44.
18. *Катастрофа* = Кровавая катастрофа после миссионерской беседы о. Крючкова // Миссионерское обозрение. 1905. Июнь. С. 1416–1417.
19. *Кудрявцев* = Кудрявцев Александр, проф., прот. Краткий очерк русской миссионерской деятельности вообще и православного миссионерского общества в особенности : Записка, читанная при открытии Херсонского

- епархиального комитета Православного миссионерского общества, 26 сент. 1885 г. Одесса, 1885. 10 с.
20. *Миссионерский плач* = Миссионерский плач о нынешнем своем бесправном служебном положении // Миссионерское обозрение. 1897. Июнь. Кн. 1. С. 474–479.
 21. *Справка* = М.К.П. Справка : Когда и где впервые учреждена должность епархиального миссионера // Миссионерское обозрение. 1898. Февраль. С. 341–344.
 22. *Потехин* = Потехин Савва, свящ. Какое место в церковной жизни могут и должны иметь миссионерские собеседования с народом в настоящее время // Миссионерское обозрение. 1906. № 2. С. 121–138.
 23. *Правила об устройстве миссий* = Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам // Церковные ведомости. 1888. № 28. С. 175–182.
 24. *Православная миссия сегодня* = Православная миссия сегодня : Сборник текстов по курсу «миссиология» для православных духовных школ и богословских учебных заведений. СПб. : Апостольский город, 1999. 405 с.
 25. *Скворцов. Наше дело* = Скворцов В.М. Наше дело и его задачи // Миссионерское обозрение. 1896. Январь. Кн. 1. С. I–XVII.
 26. *Скворцов. О постановлениях* = Скворцов В. М. О постановлениях и распоряжениях власти, касающихся внутренней миссии и сектантства : О всеобщем обучении приходского населения истинам веры // Миссионерское обозрение. 1897. Февраль. Кн. 1. С. 118–123.
 27. *Скворцов. Миссия православной церкви в 1908 г.* = Скворцов В. М. Миссия православной церкви в 1908 г. // Миссионерское обозрение. 1909. № 1. С. 158–168.
 28. *Скворцов. Соображения кн. Мещерского* = Скворцов В. М. Верные соображения кн. Мещерского и правдивое письмо священника. // Миссионерское обозрение. 1902. Май. С. 993–999.
 29. *Скворцов. Миссия в 1909 г.* = Скворцов В. М. Православная миссия и сектантство в 1909 г. // Миссионерское обозрение. 1910. № 1. С. 161–173.
 30. *Скворцов. Миссия в 1912 г.* = Скворцов В. М. Православная миссия в 1912 г. // Миссионерское обозрение. 1913. № 1. С. 132–148.
 31. *Определения и Постановления Собора* = Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви : В 4 вып. Вып. 3. М. : Новоспасский м-рь, 1994. 68 с.
 32. *Узко-формальная постановка миссии* = Ал. О-в. Узко-формальная постановка православной миссии и односторонний характер воздействия ее на заблуждающихся // Миссионерское обозрение. 1916. Сентябрь–Октябрь. С. 423–432.

33. *Устройство внутренней миссии* = Устройство, состояние и деятельность современной внутренней миссии отечественной церкви // Миссионерское обозрение. 1898. Июль–Август. С. 1070–1080.
34. *Правила об устройстве внутренней миссии* = Утвержденные Св. Синодом правила об устройстве внутренней миссии православной русской церкви // Миссионерское обозрение. 1908. № 6. С. 937–945.
35. *Филарет (Дроздов)* = Филарет (Дроздов), митр. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвящ. Саввы, архиеп. Тверского и Кашинского : В 7 т. Т. 5. Ч. 1. СПб. : Синод. тип., 1887. 498 с.
36. *Флоровский* = Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 599 с.
37. *Фудель* = Фудель И., свящ. Ближайшие задачи приходской миссии // Миссионерское обозрение. 1897. Январь. Кн. 2. С. 3–12.
38. *Чельцов* = Чельцов Михаил, прот. Сущность церковного обновления // Православная община. 1997. № 40. С. 74–87.

O. V. Slyozkina

Problems of the Synod Internal Mission Missionaries' Activities (According to "Missionary Review" Magazine Materials of 1896–1916)

The article presents a short review of the Russian internal mission's problems according to materials of "Missionary Review" magazine of 1896–1916. The magazine was an official periodical of the Synod internal mission, which was established in the first half of the XIX century to fight schism and sectarianism. Special interviews where "objects of the mission" were often summoned with police force became the main form of mission's activity. After the Toleration Act of 1905 the Internal mission in part switched to enlightenment of formal Orthodox Christians. Analysis of problems and mistakes of the Internal mission in the XIX—early XX century may be helpful in making mission of today more fruitful.

KEYWORDS: missionary review, missionary, internal mission, anti sectarian magazine, polemical-apologetic magazine, internal mission magazine, Skvortzov Vladimir Mikhailovitch